

История и право

УДК 94(4700»1920/1929»(470.62)

Особенности новой экономической политики 1920-х гг. на Черноморском побережье России

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор
E-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены особенности новой экономической политики 1920-х гг. на Черноморском побережье России. Они связаны с долгосрочными факторами региональной специфики: приграничным расположением, полиэтничностью, повышенной ролью промышленности и курортного дела в экономике. Правящая номенклатура с трудом могла приспособить нэп к особенностям региона вследствие слабости ресурсов власти. Нэп начался на Черноморье позже, чем в стране, - в 1922 г. и завершился раньше – к осени 1928 г. Относительно большее развитие получили рыночные методы управления в отношении крестьянских и мелкокустарных городских хозяйств, а городская крупная промышленность управлялась в основном административными методами. С началом коллективизации Черноморский округ, как и другие приграничные ареалы с недостаточно лояльным населением, стали объектом особенно жёсткого свертывания нэпа.

Ключевые слова: новая экономическая политика; 1920-х гг.; особенности; Черноморское побережье России.

Введение. Актуальность темы статьи вызвана тем, что современные историки проявляют нарастающий интерес к нетипичным явлениям прошлого. Теоретически эта тенденция объясняется отказом от позитивистской методологии, распространением концепций «новой локальной истории» и «социальной истории», доказывающих самоценность микроуровня событий и фактов. История плодотворно применяет синтез методологий, созданных в рамках иных наук – философии, культурологии, социологии, политической науки и др. В данном контексте полезно исследовать особенности новой экономической политики 1920-х гг. не в «стандартных» промышленных либо аграрных регионах, а в лакунах – исключениях из правил. Специфика нэпа на Черноморском побережье РСФСР относится к малоизученным аспектам. Оценка опыта многоукладного общества на Черноморье особенно злободневна в условиях зимней Олимпиады 2014 г. с учётом её экологических и этнополитических рисков, выбора приоритетов инвестиционного развития.

Материалы и методы. Степень разработанности проблемы нельзя признать достаточной. Первые исследования 1920-х гг. создавались современниками нэпа (А.А. Пономарёвым [1], А.И. Подгорным [2]), соединяя черты аналитических записок для органов управления и научных работ. Основное внимание в них уделялось вопросам сельского хозяйства, а социальные и политические процессы упоминались бегло. 1930-1950-е гг. стали временем забвения региональной специфики нэпа. По мере либерализации советской системы историки начали проявлять интерес к таким противоречивым явлениям, как социальная стратификация региональных сообществ (А.И. Козлов) [3], крестьянское «красно-зелёное» движение начала 1920-х гг. (А.А. Зайцев) [4]. Повышенное внимание к теме характерно для историографии 1990-х гг., когда разработана парадигма исторического регионоведения (С.А. Гомаюнов) [5] и признана необходимость системного анализа проблемы. Особенности нэпа на Черноморском побережье характеризовались в диссертации Ю.Б. Рагера [6], монографиях А.В. Баранова [7] и С.А. Артюхова [8]. Важнейшие направления новейших исследований – создание специализированных работ по истории промышленности и рабочих (С.Н. Данихно [9]), сельского хозяйства и крестьянства (О.В. Бершадская [10]), повстанческого движения «зелёных» (А.А. Черкасов [11]), этнической автономии шапсугов (А.А. Ржавин [12]) и

Н.Ф. Бугай [13]). Растёт интерес к истории городов и местностей, что отчасти объясняется конструированием местной идентичности.

Вместе с тем, системный анализ истории Черноморского побережья 1920-х гг. остается делом будущего. Наиболее малоизвестными и дискуссионными остаются политические и этнотерриториальные аспекты темы. Полезно в будущем провести сравнительный анализ развития полиэтничных и курортных сообществ СССР (Крыма, Абхазии, Черноморского побережья России) в период нэпа [14].

Цель статьи – установить особенности новой экономической политики 1921–1929 гг. в Черноморском округе. Потребуется дать трактовку сущности нэпа и его периодизации, раскрыть специфику приоритетов государственной политики в регионе.

Хронологические рамки статьи – с марта 1921 по 1929 гг., что объясняется датировкой начала и завершения новой экономической политики во всесоюзном масштабе.

Территориальные рамки работы охватывают собой Черноморское побережье РСФСР от Адлера до Анапы. В изучаемый период менялось его административное подчинение: сначала Черноморский округ существовал в составе Кубано-Черноморской области (1920–1924 гг.), затем – в составе Северо-Кавказского края (1924–1930 гг.). В 1925 г. к округу присоединены Анапский и Крымский районы, что увеличило экономический потенциал, но сделало регион более неоднородным в этнокультурном аспекте.

Источниковая основа статьи включает в себя архивные фонды: Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) – ф. 7 – протоколы Северо-Кавказского крайкома РКП - ВКП(б); Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) – ф. 1 Кубано-Черноморского обкома РКП(б) и ф. 9 Черноморского окружного комитета РКП(б) и др. Также изучены опубликованные выступления партийных и государственных лидеров, статистические данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. и ежегодных справочников, материалы периодической печати.

Обсуждение проблемы. Новая экономическая политика трактуется нами как преобладающая тенденция управленческих решений партийно-государственной власти в 1921–1929 гг.; как стратегия строительства социализма на основе рыночных отношений, регулируемых методами «государственного капитализма». Нэп не ограничивался экономическими воздействиями на многоукладное общество. Нэп включал в себя социальное, политическое и идеологическое управление. В качестве базовых по значению элементов нэпа можно выделить:

- рыночную форму взаимосвязи между секторами, укладами и субъектами экономической деятельности;
- ведущую роль государственного сектора в системе укладов, поддерживаемую сочетанием рыночных и плановых методов управления;
- союз государства с беднейшим и середняцким слоями крестьянства;
- временное допущение «эксплуататорских» классов, курс их ограничения и вытеснения экономическими мерами;
- ужесточение однопартийной системы, сращивание функций РКП(б) и государства;
- переход от экспорта революции к мирному сосуществованию социальных систем.

Эта политика предусматривала ряд ограничителей частного капитализма: национализацию основных средств производства, монополию внешней торговли, ограничения товарно-денежных отношений в госсекторе, неэквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, финансовое и правовое сдерживание накопления в негосударственных секторах.

Структура новой экономической политики подвижна. Её различные элементы вводились, развивались и отмирали разновременно. Изначальная стратегия исчерпывала себя по мере восстановления экономики, назревания индустриализации. Логика рыночных отношений к середине 1920-х гг. требовала решительно расширить пределы нэпа, гарантировать защищенность частной собственности и гражданских прав, пойти на развитие политического плюрализма. Но никто из лидеров большевистской партии не мог решиться на столь самоубийственный выбор. Свертывание нэпа во второй половине 1920-х гг. стало закономерным процессом, обусловленным коренными противоречиями между рыночными отношениями и директивным планированием, гражданским миром и конфронтацией, плюрализмом и монопольной властью ВКП (б). Эти противоречия, непримиримые при сохранении коммунистической перспективы, обострялись по мере выдвижения на первый план задач модернизации.

Новая экономическая политика имела специфику реализации на региональном и местном уровнях, что вызывалось устойчивыми особенностями сообществ, дефицитом ресурсов государственной власти. С особой силой эти особенности сказывались в приграничных и слабо освоенных ареалах, к которым относился Черноморский округ. Будучи самым малым по территории в Кубано-Черноморской области, он резко отличался от нее по отраслевой специализации экономики и социальной структуре населения.

Перепись населения 17 декабря 1926 г. зафиксировала в Черноморском округе 291,4 тыс. постоянных жителей, в т.ч. 38,6% городского. Из 8 городов наибольшее значение имели окружной центр Новороссийск и Сочи. В сравнении с Северо-Кавказским краем и страной округ имел повышенный вдвое уровень урбанизации, что объяснялось горным рельефом местности и слабой заселённостью [15, т. 9]. В отраслевой структуре экономики преобладали по стоимости продукции цементная, строительная, пищевая промышленность, а также лесоразработки и транспортные услуги морских портов.

Этническая структура Черноморского округа резко выделяла его из остальных частей Кубано-Черноморской области и Юга России в целом. Региональное сообщество сложилось после принудительного выезда в 1860-70-х гг. автохтонных жителей – адыгов в Османскую империю. На побережье (кроме Анапы) почти не было казаков, т.к. попытки казачьей миграции доказали экономическую безуспешность. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала состав населения: украинцы – 37,5 %; русские – 34,7 %; армяне – 10,0 %; греки – 5,5 %; молдаване – 2,2 %; белорусы – 1,8 %; черкесы – 1,5 %; грузины – 1,3 %; немцы – 1,1 %. Причерноморские адыги – шапсуги составляли 4,2 тыс. чел. и дисперсно проживали в нескольких аулах Туапсинского и Лазаревского районов [16]. Высокий удельный вес украинцев при переписи 1926 г. стал следствием методики учёта этничности по происхождению родителей. Именно этот подход, не применявшийся ни в 1897 г., ни в 1920 г., резко завysил удельный вес украинцев в Черноморском округе – по нашим расчётам, в 1,5 раза [17]. Население динамично менялось вследствие миграции из Центральной России (23 % постоянных жителей), с Украины (13,8 %), беженцев – армян и греков из Турции (6,8 %). Если в Кубанском и Армавирском округах уроженцами своего округа были 25-29 % постоянных жителей (1926 г.), то в Черноморском округе – 13 %. Причём в каждом из районов Черноморского округа – Анапском, Крымском, Геленджикском, Туапсинском, г. Новороссийске и Сочи сложилась своеобразная этническая структура [15, т. 5].

Социальная структура населения Черноморья резко отличалась от Северо-Кавказского края и Кубано-Черноморской области (КЧО). По переписи 1926 г., удельный вес рабочих-мужчин в Черноморском округе составлял 22,0 % (в трех остальных округах КЧО от 9,7 до 14,5 %), служащих – 10,5 % (вдвое выше других округов), земледельцев и помогающих им членов семей – 67,0 % (около 80 % в Армавирском, Кубанском и Майкопском округах) [15, т. 5]. Средняя численность фабричных рабочих на предприятие была в Черноморском округе выше, чем на всем Юге России. Рабочие и служащие концентрировались в Новороссийске, Туапсе, Сочи; их почти не было на остальной протяженной территории.

Уровень социальной дифференциации на побережье близок к среднекраевому, но факторы его – иные, связанные с производством технических культур и несельскохозяйственных промыслов. По расчётам О.В. Бершадской, имели свыше 100 руб. годового дохода начел. 46-53,5 % немецких, эстонских и чешских хозяйств (1926 г.). Армянские и греческие семьи в большинстве получали доход 33-100 руб., а украинские, русские и шапсугские – меньше 33 руб. на чел. [18]. Во многом неравенство объяснялось географическим расположением хозяйств и отраслевой специализацией, а не классовыми причинами. Это требовало проводить дифференцированную политику в каждой местности и в отношении каждой этнической группы, что удавалось с трудом.

Политические особенности перехода от «военного коммунизма» к нэпу на Черноморском побережье связаны с продолжением Гражданской войны в форме повстанческих движений. До осени 1920 г. в Сочинском и Туапсинском округах существовала «Черноморская крестьянская республика». Её создал правозэсеровский Комитет освобождения Черноморья во главе с Н.В. Вороновичем, ориентировавшийся на сотрудничество с меньшевистской Грузией – и против Добровольческой армии, и против большевиков [19]. В сентябре 1920 г. район Хосты и Адлера ненадолго захватила белоказачья «Армия возрождения России», отступая из Майкопского отдела через перевалы (вскоре она эвакуировалась в Крым через Гагры). Повстанческое движение на Черноморье продолжалось до 1923 г. Поскольку регион наиболее удобен для интервенции и десантов

врангелевской армии, а также для наступательных действий РККА против Грузии и Турции, ему уделялось ключевое значение в обороне всего Северо-Кавказского военного округа. Советские органы пытались распространить в регионе формы политики, выработанные в Центральной России, чем обостряли межэтнические конфликты и подрывали свою социальную опору. Так, в грубых формах проводились аресты иностранных подданных, конфискации земельных «излишков», что задевало интересы немцев, эстонцев, чехов, греков, армян, грузин [10]. При создании в 1922 г. Адыгейской (Черкесской) автономной области в её состав не включены причерноморские аулы шапсугов, несмотря на просьбы местных интеллигентов. Это диктовалось опасениями создать очаг пантюркистского и панисламистского влияния. Взамен в 1924 г. создан Шапсугский национальный район в составе Черноморского округа с населением 5,7 тыс. чел. [13; 12].

В условиях нэпа приоритеты государственной политики сменились. Наряду с продолжением союза с середняцким крестьянством органы власти, особенно местные, стали заинтересованными в росте доходности сельского хозяйства, распространении табаководства, виноградарства, садоводства. Но такие отрасли требовали привлечения наёмного труда, долгосрочной аренды, кредитования, гибкого налогообложения. Возникло противоречие между «идеологическими» и прагматическими целями нэпа, и побеждала чаще всего догматическая политика. Так, единый сельскохозяйственный налог не учитывал условий Черноморского округа, где равнинные и горные сёла имели качественно различную прибыль. Завышались налоговые ставки на технические культуры и неземледельческие занятия (кустарные промыслы, лесозаготовки, строительство, обслуживание курортов), а именно они были весомым источником дохода местных жителей. По подсчётам О.В. Бершадской, в 1926 г. вели неземледельческую активность 14,9 % крестьянских семейств округа, что давало 20 % их доходов [18].

Результаты. Прослеживаются отчётливые различия между реализацией «аграрного» нэпа в 1922–1925 и 1926–1927, 1928–1929 гг. На первом из этапов органы государственной власти стремились, прежде всего, к восстановлению объема производства и товарности сельского хозяйства и мелкой промышленности [20]. Земельный передел был отложен, землеустройство носило локальный характер. Государственная поддержка коммун и совхозов свелась к минимуму хозяйств, доказавших прибыльность. Отчасти «либерализм» раннего нэпа объяснялся нехваткой ресурсов государственной политики. На втором этапе резко активизируется землеустройство. К октябрю 1926 г. межселённым землеустройством было охвачено 57 % угодий, а внутриселённым – 28 % [21]. Это привело к росту сословной и этнической розни. Стали получать значительную госпомощь совхозы, как правило, созданные на конфискованных частновладельческих, приморских участках. С осени 1927 г. приоритетом аграрной политики стало неэквивалентное изъятие доходов путём «чрезвычайных мер» - конфискаций, арестов, запугивания. Власти переходят от поддержки добровольной кооперации в разнообразных формах к принудительному созданию колхозов и совхозов. Это потребовало репрессий против альтернативных институтов гражданской самоорганизации. Так, разгрому подвергся колхоз старообрядцев в Имеретинской долине (Адлерский район), поскольку он создавался верующими без партийного контроля [22].

Политика в отношении рабочих имела приоритеты: обеспечение уровня жизни, достаточного для политической лояльности; контроль общественного мнения; подавление оппозиционных группировок. Специфика региона проявлялась в концентрации проблем в г. Новороссийске. Именно здесь в 1920–1921 и 1923 гг. партийные организации поддержали левую оппозицию во главе с Л.Д. Троцким, прежде всего – лозунги «рабочей демократии» и борьбы с бюрократизмом [23; 24]. В 1921–1922 гг. железнодорожный узел Новороссийска и цементные заводы стали центром забастовок во главе с меньшевиками и «рабочей оппозицией» [25]. Недовольство властью проявляли также «красные партизаны» - ветераны Гражданской войны, безработные. Они считали нэп предательством идеалов революции. Органы ВЧК-ОГПУ регулярно следили за собраниями ветеранов и пресекали попытки создать их политические организации [26]. Нежелание крестьян продавать хлеб по убыточным для них ценам часто приводило к кризисам снабжения городов, на что особенно жестко реагировали рабочие. Так, летом 1928 г. после введения хлебных карточек 500 безработных женщин-сезонниц разгромили Новороссийскую биржу труда. В Сочи 3 тыс. демонстрантов, недовольных коррупцией и слабым приговором суда против взяточников, захватили здание пограничной комендатуры [27].

В рамках нэпа партийным и советским органам было сложно бороться с уравнительными настроениями. Однако по мере развертывания коллективизации власть стала интегрировать «левацкий» протест в кампании раскулачивания и преследования интеллигенции (после Шахтинского дела 1928 г.). Ярким примером новой тактики стала смена руководства Черноморского округа в апреле 1928 г. Бывший секретарь окружкома РКП (б) А.И. Подгорный и другие руководители региона последовательно сопротивлялись насилию над крестьянством, поддерживая группировку Н.И. Бухарина. В итоге партийный и государственный аппарат округа подвергся тщательной чистке как «заражённый правым уклоном» [28]. Примечательно, что синхронные разгромы сторонников нэпа проведены в Астраханской, Архангельской, Одесской губерниях, Крымской АССР – регионах с повышенным значением внешней торговли и стремлением местных чиновников проводить умеренную политику компромиссов.

Заключение. Мы пришли к следующим выводам. Новая экономическая политика трактуется нами как преобладающая тенденция управленческих решений партийно-государственной власти в 1921–1929 гг.; как стратегия строительства социализма на основе рыночных отношений, регулируемых методами «государственного капитализма». Особенности новой экономической политики на Черноморском побережье России связаны с долгосрочными факторами региональной специфики: приграничным расположением, полиэтничностью, повышенной ролью промышленности и курортного дела. Правящая номенклатура с трудом могла приспособить меры реализации нэпа к особенностям региона вследствие слабости своих ресурсов власти. Нэп начался на Черноморье позже, чем в целом по стране, - в 1922 г. и завершился раньше – к осени 1928 г. Относительно большее развитие получили рыночные методы управления в отношении крестьянских и мелкокустарных городских хозяйств, а городская крупная промышленность управлялась в основном административными методами. Приоритетными оставались в 1920-х гг. идеологизированные, а не прагматические задачи экономической политики. Вместе с тем, в 1924–начале 1928 гг. партийно-государственный аппарат округа проводил смягченный курс в русле бухаринской теории «постепенного вращивания в социализм». С началом форсированной коллективизации Черноморский округ, как и другие приграничные ареалы с недостаточно лояльным большевизму населением, стали объектом особенно жёсткого свертывания нэпа.

Примечания:

1. Пономарёв А.А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана (По материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.). Ростов н/Д, 1924.
2. Подгорный А.И. О кооперативном движении в Северо-Кавказском крае // Ленинский путь. Ростов н/Д, 1927. №3-4. С. 35-41; №5. С. 25-40.
3. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977.
4. Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917–1920 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1990.
5. Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. №9. С. 158-163.
6. Рагер Ю.Б. Проблемы развития промышленности Кубани и Черноморья в годы нэпа. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1996.
7. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.
8. Артюхов С.А. Становление курорта 1920–1941 гг. Сочи, 2000.
9. Данихно С.Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: История генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов н/Д, 2007.
10. Бершадская О.В. Национальные отношения в черноморской деревне в годы нэпа // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения. Краснодар, 2006. С. 20-25.
11. Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007.
12. Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 13-22.

13. Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Нацстроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 6-29.
14. Дюличев В.П. Крым: История в очерках. XX век. Симферополь, 2005. С. 105-148.
15. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. С. 232-359; Т. 9. С. 2-13.
16. Ракачёв В.Н., Ракачёва Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2006. Т. 1. С. 131-153.
17. Баранов А.В. Украинская идентичность в социальном и политическом развитии Юга России 1917–1932 гг.: дискуссионные аспекты // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013. С. 82-83.
18. Бершадская О.В. Черноморская деревня в условиях нэпа (социально-экономический аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. С. 19-20, 18.
19. Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 7. С. 53-183.
20. Яхутль Ю.А. Развитие торговли на начальном этапе нэпа в Кубано-Черноморской области (1921–1924 гг.) // Былые годы. Сочи, 2011. №1(19). С. 37-39.
21. Основные моменты хозяйственного строительства, политического положения и работы на Черноморье. Новороссийск, 1927. С. 35.
22. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 896и. Л. 65.
23. Красное Черноморье. Новороссийск, 1921. 12 февр.
24. Бюллетень VII Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б). Краснодар, 1923. №8. С. 244-269, 295.
25. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 91-94.
26. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 837. Л. 135.
27. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802. Л. 86, 91, 83, 84, 90.
28. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 834. Л. 18-68.

UDC 94 (4700»1920/1929»(470.62)

Features of New Economic Policy of 1920s within the Black Sea Coast of Russia

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Russian Federation
350040, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149
PhD (History, politics), Professor
E-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. The article detects features of the New Economic Policy of 1920s within the Black Sea Coast of Russia. They are concerned with long-term factors of regional specific character, such as boundary location, polyethnicity, increased role of industry and health resort business in the economy. The ruling nomenclature could hardly adapt NEP to the peculiarities of the region due to the weakness of resources and power. NEP at the Black Sea Region was launched later than in the country – in 1922 and terminated earlier – by autumn, 1928. Market methods of management in terms of peasant and home-made town services developed better, while the town large-scale industry was mainly managed by administrative methods. The implementation of collectivization brought to the abrupt curtail of NEP in the Black Sea Region, as well as in other boundary areas.

Keywords: New Economic Policy; 1920s; peculiarities; the Black Sea Coast of Russia.